

Зачем нужна историческая этика?*

А. Буллер¹, А. А. Линченко^{2,3}

¹ Социальное министерство федеральной земли Баден-Вюртемберг, Федеративная Республика Германии, 70173, Штутгарт, Кёнигштрассе, 44

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация, 398000, Липецк, ул. Интернациональная, 126

³ Липецкий государственный технический университет, Российская Федерация, 398000, Липецк, ул. Московская, 30

Для цитирования: Буллер А., Линченко А. А. Зачем нужна историческая этика? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 423–435. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.302>

Целью данной статьи является исследование интеллектуальных предпосылок становления дискурса исторической этики, а также анализ ее предмета, актуальных тенденций развития и основных задач. Анализ трансформации этики ответственности, ценностного отношения к прошлому в философии и теории истории, а также аксиологической составляющей исторической дидактики в XX в. свидетельствует о росте теоретического интереса к этической рефлексии в отношении событий прошлого. Обосновывается, что дальнейшее развитие исторической этики как самостоятельной дисциплины требует единого концептуального подхода в понимании ее предмета, теоретико-методологических оснований и базовых ценностей. Делается вывод о том, что историческая этика как раздел прикладной этики оказывается шире, чем «этос» исторической науки. Выдвигается положение о консеквенциональной и социально-ориентированной специфике современной исторической этики. Ее предметом являются этические проблемы обращения к прошлому в исторической культуре общества. Экстерналистская интерпретация исторической этики позволяет нам рассматривать последнюю в качестве важного фактора циркуляции представлений о прошлом в исторической культуре. Выявлено, что актуальной задачей исторической этики являются анализ, обоснование и пересмотр ценностно-нормативных контекстов как научно-исторического познания, так и всех вненаучных форм обращения к прошлому в исторической культуре с целью выработки стратегий исторического сознания и основанного на нем культурно-исторического ориентирования. Анализ проекта трансцендентальной истории Г. М. Баумгартнера указывает на важную тенденцию преодоления исторической этикой дескриптивизма, движение к ее нормативному определению, а также подчеркивает ее междисциплинарный характер.

Ключевые слова: этика ответственности, историческая этика, нормативизм, консеквенциализм, историческая культура.

На рубеже третьего тысячелетия в западноевропейской науке получила распространение новая теоретическая дисциплина, пришедшая из США и получившая название этики, или моральной истории (moral history). Даже беглый взгляд на

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00503.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

предмет ее изучения показывает ее обращенность на самые разнообразные вопросы этической рефлексии о прошлом [1–4]. В современных условиях потребность в обращении к этической рефлексии относительно прошлого связана как с распространением различных войн памяти, так и с актуальными вопросами обращения к прошлому в рамках различных «культур отмены», а также трансформацией нарративов национального прошлого в условиях глобальных миграционных процессов. Пытаясь определить предмет данной дисциплины, авторы отмечают, что «историческая этика — это область прикладной этики, которая занимается проблемами человеческого обхождения с историей и исторической наукой. Историческая этика ставит вопросы о том, насколько занятие историей и прошлым является нравственной/моральной/этической задачей» [5]. С подобным определением вряд ли можно полностью согласиться. На наш взгляд, проблематизация исторической этики предполагает ответ на целый ряд вопросов. Каковы интеллектуальные предпосылки возникновения дискурса исторической этики в XX в. на стыке этики ответственности, философии и теории истории, а также аксиологических вопросов исторической дидактики? В чем состоит специфика исторической этики как прикладной науки? Каковы ее теоретико-методологические основания и базовые ценности? Соответственно, предметом данной статьи является исследование интеллектуальных предпосылок возникновения дискурса исторической этики, а также анализ возможности исторической этики как самостоятельной дисциплины.

На пути к этике исторической ответственности

Эволюция этических идей от этики добродетелей к этике долга и далее к этике поступка не только изменяла понимание и особенности применения универсальных принципов, но и способствовала появлению в этической теории принципиально новых понятий. Одним из таких понятий стало понятие ответственности, вокруг которого в прошлом столетии сформировалось особое направление — этика ответственности.

Одно из важнейших достижений этики ответственности — введение в этику феномена времени, который, по мнению В. А. Канке, не проблематизируется ни в этике свободы, ни в этике справедливости [6, с. 297]. Неклассическая концепция этики ответственности указывает на практический и ситуативный контекст истоков и последствий субъекта ответственности. Ответственность понимается сегодня как фундаментальное основание человеческого существования и многоаспектный феномен [6]. Отмечается, что «ответственность — обязательство перед кем-то, забота о ком-либо, долг, т. е. нечто воспринимаемое в качестве основания решений или действий в отношении другого» [7, с. 7]. Не менее важен и тезис о развивающемся характере самой дефиниции ответственности. В этом ряду исторической этике ответственности также предстоит занять особое место, поскольку в условиях ускорения социальных ритмов и процессов именно прошлое оказывается одним из важнейших символических ресурсов. Этика исторической ответственности принципиально отличается от нацеленной на будущее «этики ответственности», которую обосновал Ханс Йонас (Hans Jonas). Немецкий ученый не готов признать факт отсутствия взаимосвязи между сущим и должным, поскольку полагает, что именно сущее является причиной должного. Историческая этика, наоборот, осно-

выводится на различии между сущим и должным, которое является важным основанием для чувства ответственности всякого, кто обращается к прошлому. В данном случае чувство ответственности указывает на то, что прошлое не *должно было быть* таким, каким оно было [8, с. 117].

Обращенность этики, в отличие от универсальной морали, на индивидуальное поведение означает, что ответственность личности всегда связана с ее окружением, что предполагает обращение к категории «ориентирование» [9]. В контексте философского анализа структур ориентирования подчеркивается особая роль этического ориентирования, одним из важнейших условий которого является темпоральность. «Этический суверенитет» — результат этического ориентирования достигается через взаимодействие с разными этическими традициями [9, S. 626], что актуализирует историческое сознание. И здесь в свои права вступает именно историческая этика, которая, в отличие от истории этики, проблематизирует особенности нашего ценностного выбора в отношении соответствующей этической традиции прошлого.

Ценностное отношение к прошлому в исторической науке и философии истории XX в.

Важной предпосылкой развития исторической этики является тенденция роста влияния аксиологического измерения в философии истории и исторической науке XX в. В данном случае мы обращаемся к проблемам этоса науки в интерпретации Р. Мертона (Robert Merton).

Отправной точкой здесь является позиция позитивистской философии истории и историографии, которая призывала историка к научной критике исторических источников. Результатом критической деятельности Вильгельма Дильтея (Wilhelm Dilthey), Георга Зиммеля (Georg Simmel) и Бенедетто Кроче (Benedetto Croce) стал постепенный переход научного сообщества на позицию, утверждающую решающую роль историка и его исторического сознания в процессе исторического познания.

Решительный прорыв к новому пониманию предмета оценки прошлого формулируется первым поколением историков французской школы «Анналов». В своей монографии Б. Г. Могильницкий подчеркивал, что в ответ на кризисные тенденции, характерные для позитивистской историографии, историки М. Блок (Marc Léopold Benjamin Bloch) и Л. Февр (Lucien Febvre) предложили иное понимание предмета исторической науки и ее этоса. Новое понимание предмета исторической науки связывалось ими с увеличением количества исторических источников, а также с новым методологическим подходом, подчеркивающим глубокую взаимосвязь прошлого и настоящего. Еще одной новацией истории в их понимании оказывалось обращение к проблеме гуманистического понимания прошлого, в интерпретации социальной сущности человека в истории [10, с. 20–37]. На наш взгляд, важным достижением работы М. Блока «Апология истории» также является попытка анализа ценностной стороны работы исследователя прошлого. При этом М. Блок явно далек от обоснования возможности универсальных ценностей. Историк, по мысли М. Блока, должен не судить (давать оценку событиям и деятелям прошлого), а понимать (объяснять эти события и поведение этих деятелей). Дальнейшее

развитие исторической науки еще сильнее обозначило крен в сторону расширения числа исторических источников и методик их оценки [8, с. 99]. В данном случае имеется в виду появление социальной истории, локальной истории, комбинирующей микро- и макроподходы, глобальной истории, развитие персональной и «новой интеллектуальной истории». Как показывает исследование О. В. Герасимова, историческая наука в XX столетии прошла путь от интерпретации исторических фактов как знаний об однократных, единичных событиях к пониманию факта как результата конструирования историком прошлого в контексте особенностей его собственной познавательной деятельности и культуры [11, с. 46].

Как мы уже показывали ранее, заметная трансформация ценностного отношения к прошлому происходит и в философии истории. На первый план выдвигается недоверие к собственному языку теоретического описания, которое проявляется как в виде кризиса доверия к историческому метарассказу, так и в самой проблематизации нарратива историописания. Вехами этого пути оказываются как феноменолого-герменевтическая философия с ее апелляцией к языку как «дому бытия» М. Хайдеггера (Martin Heidegger) и идеей аналитики предпосылочности собственного знания Х. Г. Гадамера (Hans-Georg Gadamer), так и работы представителей аналитической философии истории, а в дальнейшем — нарратологии, структуриализма, постструктуриализма (М. Фуко) и постмодернизма [8, с. 87]. На наш взгляд, данные изменения в предмете ценностного отношения к прошлому можно рассматривать в рамках общей тенденции, которая связана с антропологическим подходом к пониманию истории.

Двадцатый век также свидетельствует о существенных изменениях в понимании базовых ценностей исторической науки и философии истории. В 1970-е годы, по мысли Алейды Ассман (Aleida Assmann), мы сталкиваемся с «социальным этосом» исторической науки, который был призван «получить доступ к скрытым и забытым до настоящего времени аспектам повседневной жизни, истории рабочих, женщин и сельского населения» [12, р. 38] и ориентировал историков на курс исторической справедливости. Следующий этап приходится на 1980-е годы и связан с «постколониальным этосом», ориентировавшем на ценность исторической ответственности. В 1980–1990-е годы появился «посттравматический этос». В данном случае мировоззренческая рамка холокоста превращается историками по всему миру в основание для оценки и классификации геноцидов, исторических травм, форм и видов террора и вынужденного переселения людей. Еще один этап А. Ассман называет «постдиктаторским этосом» и связывает его с работой исторических комиссий («комиссий правды») в Южной Америке и Южной Африке, а также в Восточной Европе в 1980–1990-х годах.

Примечательно, что в философии истории конца XX — начала XXI в. наблюдается тенденция к синтезу модернистского и постмодернистского прочтения истории, теоретического (историческая наука) и практического (исследования памяти, дидактика истории, политика памяти) измерений. В данном случае мы могли бы указать на подход Йорна Рюзена, который, размышляя о критериях исторической истины в современном теоретическом мышлении, допускает несколько измерений «правдоподобия»: эмпирическое, теоретическое, нормативное и нарративное [13, s. 85].

Историческая этика в свете исторической дидактики

Еще одним исследовательским полем, актуализирующим дискурс исторической этики, является историческая дидактика. Активное развитие исторической дидактики было связано с политикой «преодоления нацистского прошлого» (Vergangenheitsbewältigung), давшей толчок радикальной переоценке нацистского периода в ФРГ. Центральными вопросами исторической дидактики являются проблемы исторического сознания учащихся, проблемы конфликта ценностей исторической памяти разных поколений. Наиболее известным вариантом типологизации исторического сознания является модель Й. Рюзена, где типы исторического сознания выделяются в рамках четырех типов исторической наррации: традиционного, поучительного, критического, генетического. Немецкий ученый рассматривает данные типы исторического сознания именно в контексте их отношения к моральным ценностям и моральной аргументации [14, p. 72].

Современная историческая дидактика не только идет по пути дальнейшего уточнения своих базовых понятий (историческое сознание, историческое мышление, историческая культура), но и актуализирует этический дискурс. Первое направление исследований связано с изучением роли моральной составляющей в историческом сознании школьников [15], а также их представлениях об исторической ответственности [16]. Второе направление исторической дидактики связано с теоретическими вопросами определения концепта исторической ответственности и его места в системе понятий исторической дидактики [17]. Наконец, третье направление исследований связано с изучением самого места этики в историческом образовании. Так, Й. Рюзен говорит о развитии исторического сознания как о совершенствовании нарративной компетенции. Важнейшая цель этики в данном случае связывается с созданием новых когнитивных структур, которые легитимируют сделанный выбор. В отличие от него канадский исследователь П. Сейкшас (Peter Seixas) указывает на необходимость анализа социального контекста, который влияет на наш ценностный выбор и модели поведения людей в прошлом. В противоположность этому теоретический подход А. Чиннери (Ann Chinnery) в большей степени демонстрирует уход этики от идеи рациональности в сторону развития чувства заботы и практики «смягчения насилия». В своих работах Р. Саймон (Roger Simon) отстаивает точку зрения, согласно которой этическое измерение исторического сознания направлено на формирование надежды на лучшее будущее, в котором будет меньше жестокости, больше равноправия и справедливости [18]. Центральным понятием в таком случае оказывается понятие достоинства, которое приобретает в современной исторической дидактике статус одного из основных.

О предмете исторической этики

Историческая этика является в первую очередь одним из разделов этики науки и в полной мере отражает все сложности и противоречия данного исследовательского поля. Существенной проблемой современной этики науки является факт конкуренции различных типов этической рефлексии (нормативной, дескриптивной, прикладной этики и метаэтики). Не менее спорным также является противостояние как минимум двух этических программ — «минимальной» этики, пред-

писывающей науке нормы в контексте ценностей гуманизма, и «глобальной» этики, ориентированной на социальный критицизм и нормы науки как образцы для общественного подражания. Вместе с тем российские исследователи не склонны оценивать данные дилеммы пессимистически, полагая, что «обеспечить единство всех типов этической рефлексии под силу лишь этике науки. Сегодня последняя предлагает практическое решение “гильотины Юма” в виде особого варианта гуманитарной экспертизы и медиации в зонах обмена» [19, с. 102].

Социально-ориентированный характер современной этики науки позволяет видеть ее как методологическое воплощение консеквенциональной этики. По мысли В. А. Канке, «в современном виде консеквенциональная этика... выступает в форме этики ценностей» [6, с. 290]. Отмечается, что консеквенционализм актуализирует этику практических действий и их последствий. Этические проблемы оказываются не дополнительным, но существенным элементом исследовательской деятельности. Каким же образом исходя из этой перспективы может быть понят предмет и основные тенденции развития исторической этики?

Историк Кристоф Кюбергер (Christof Kühberger) и философ Клеменс Седмак (Christof Sedmak) справедливо отмечают ошибочность распространенного мнения о необходимости применения этических требований и норм исключительно к сфере естественных наук [20, с. 11]. В такой ситуации историки оказываются вне этического контекста их собственной профессиональной деятельности. Вместе с тем всякий, кто обращается к прошлому, не может не занимать соответствующую нравственную позицию. Эта позиция проявляет себя в его работах, а также в тех понятиях, которые он применяет по отношению к прошлому. Историк также стремится провести границу между «преступными» действиями и действиями «на благо общества». Но прежде всего он стремится познать историческую истину, которая является одной из базовых ценностей исторической этики. Соответственно историческая этика оказывается областью прикладной этики, рефлексирующей о ценностных и мировоззренческих вопросах исторической науки. На наш взгляд, данное определение чрезвычайно сужает область рассмотрения проблем исторической этики и ее проблем.

Более широкое определение принадлежит Карлу-Христиану Веберу (Karl-Christian Weber): «...историческая этика описывает и обосновывает ценности и нормы, которые имеют отношение к процессам исторического исследования, исторической презентации, а также к процессам восприятия прошлого» [21, с. 114]. Из этого определения, как и из представленных ранее, совершенно очевидно следует, что всякий, кто обращается к исторической этике, вынужден учитывать своеобразие взаимодействия истории и этики. На тесную взаимосвязь этих двух дисциплин указывал еще в XIX столетии Иоганн Густав Дройзен (Johann Gustav Bernhard Droysen), который, разумеется, не употреблял понятия «историческая этика», но использовал важное для нас понятие «историка» (Historik). Его теоретический интерес к «историке» в XX столетии подхватил Райнхард Козеллек (Reinhart Koselleck), отмечавший, что историческая этика есть «эпистемологическая дисциплина об условиях возникновения возможных историй» [22, с. 99]. И. Г. Дройзен также подчеркивал, что этика и историка являются как бы координатами, своего рода ориентирами исторической науки. Вместе с тем верно и то, что историческая

наука может оказать важную помощь этике, показывая эволюцию форм практического разума.

Принято считать, что основной функцией этического знания является формирование обоснованных нравственных ориентиров человека. Возможность реализации подобной функции, по мысли К.-Х. Вебера, может быть связана только с независимым статусом научной дисциплины. В отношении «исторической этики» подобный статус немецкий исследователь видит в контексте ответов на ряд актуальных вопросов, являющихся проблематичными отдельно и для этики, и для истории [21, s. 113]. По мнению немецкого исследователя, такие вопросы могут быть сведены к четырем: 1) можно ли вообще представить себе историю без этики? 2) можно ли из истории вывести ложные/верные моральные суждения? 3) можно ли в моральном отношении неверно/верно обходиться с историей? 4) существуют ли аморальные/моральные методы исторических исследований? [21, s. 114]. На первый вопрос он отвечает отрицательно, ведь любая наука в процессе своих исследований неизбежно наталкивается на вопросы об этических нормах. На второй вопрос он отвечает утвердительно, поскольку из истории можно вывести как ложные (тезис о коллективной вине), так и верные (культура памяти о жертвах) моральные суждения. На третий вопрос немецкий теоретик также отвечает утвердительно, подчеркивая, что можно как злоупотреблять историей в целях манипуляции, так и использовать ее для формирования прогрессивных ценностей. Четвертый вопрос также получает утвердительный ответ, поскольку работа с источниками, историческими свидетелями и интерпретации следов прошлого могут быть добросовестными, а могут содержать элементы ангажированности.

Теоретическая позиция К.-Х. Вебера интересна нам в связи с тем, что он стремится показать социально-ориентированный характер предмета исторической этики. По нашему мнению, это означает, что историческая этика в первую очередь призвана решать этические проблемы обращения к прошлому в общественной среде или, точнее, в исторической культуре общества. По мнению Йорна Рюзена историческая культура есть историческое сознание, схваченное в действии. Историческая культура охватывает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни [13]. Однако что представляет собой сам механизм функционирования исторической культуры? В нашем понимании *историческая культура* — это универсальная среда реактуализации исторического бытия, воспроизводящая способ схватывания временности и историчности в культуре; форма социальной циркуляции представлений о прошлом, проявляющая себя в конфигурации взаимодействия коммуникативной и культурной памяти, мемориальных культур, личного и коллективного исторического опыта и исторического сознания; медиативная среда, связывающая всю совокупность знаний о прошлом, способов исторической оценки, практик памяти и забвения, а также их институциональные формы, отражающие как собственную культурную изменчивость, так и изменчивость других культур.

Если принять историческую культуру как основной контекст актуализации проблем исторической этики, то мы могли бы интерпретировать историческую этику как раздел прикладной этики, задачей которого являются анализ, обоснование и пересмотр ценностно-нормативных контекстов как научно-исторического познания, так и всех вненаучных форм обращения к прошлому в исторической

культуре с целью выработки стратегий исторического сознания и основанного на нем культурно-исторического ориентирования. Потребность в исторической этике фундирована самим медиативным характером исторической культуры, где в зонах обмена между профессиональными и непрофессиональными способами обращения к прошлому возникает потребность именно в этической медиации. Эта медиация усиливает социальную циркуляцию знаний о прошлом и ускоряет динамику самой исторической культуры, ее внутреннюю работу по переосмыслению прошлого в актуальной ситуации настоящего. Данное определение подчеркивает экстерналистский характер исторической этики.

Специфика исторической этики в свете трансцендентальной истории Г. М. Баумгартнера

Специфику современной исторической этики мы попытаемся раскрыть также в свете трансцендентальной истории Ганса Михаэля Баумгартнера (Hans Michael Baumgartner). В отличие от своих коллег, Баумгартнер определяет основы исторической этики исходя из трансцендентальных предпосылок исторического знания. Казалось бы, он ставит тот же самый вопрос, что и Р. Козеллек, а именно вопрос об «условиях возможной истории». Однако в поисках ответа на этот вопрос Г. М. Баумгартнер, в отличие от Р. Козеллека, идет путем И. Канта. Немецкий теоретик разрабатывает модель «трансцендентальной истории», которую он делит на трансцендентальную эстетику (учение о пространстве и времени как априорных формах созерцания), трансцендентальную логику (учение о категориях рассудка) и трансцендентальную диалектику (учение об антиномиях разума).

В первую очередь Г. М. Баумгартнер стремится понять, каким образом структурируются и формируются знания такого рода, как «история» [23, s. 274]. Он исходит из того неоспоримого факта, что объективная история есть прежде всего знание, ибо она доступна нам только как знание [23, s. 276]. Специфика исторического знания заключается в том, что оно по своему характеру является эмпирическим знанием. В то же время оно является таким знанием, которое «обладает априори обоснованной структурой, но не априори обоснованным содержанием» [23, s. 283]. Специфика исторического знания заключается в том, что оно постоянно открывается заново (*wird wiederentdeckt*) [23, s. 282]. Именно эта, к сожалению, часто не замечаемая и игнорируемая, особенность исторического познавательного акта в состоянии объяснить нам не только то, почему история время от времени переписывается, но и то, почему она время от времени должна переписываться. Отсюда следует, приходит к выводу Г. М. Баумгартнер, что история — не вечно повторяющаяся копия или же двойная репродукция случившегося/происшедшего, а специфическая, получившая определенный смысл и значение, сконструированная человеком «организация» пространственно-временных элементов, процессов, событий и действий, предполагающая существование конкретного и чувственно воспринимаемого жизненного мира, которому она, однако, сама по себе не тождественна [23, s. 272]. Конструктивистская направленность размышлений немецкого теоретика истории представляет интерес для нас, поскольку указывает на активный характер исторической этики. Историческая этика в определенном смысле находится не «за» материалом исторической науки, резюмируя ее некоторые выводы,

а оказывается важным участником дискуссий о публичном процессе трансляции знаний о прошлом и их актуальной переоценки.

Мир прошлого и мир рефлексии о нем — это два различных мира. Но именно мир рефлексии вынуждает нас обратиться к априорным предпосылкам исторических знаний. К этим предпосылкам, по мнению Г. М. Баумгартнера, относятся «фундаментально-антропологические условия» человеческого существования, под которыми он понимает не столько конкретные условия создания историй, сколько «жизненный мир» человека. Использование данного понятия имеет ряд важных следствий для дальнейшего теоретического осмысления вопросов исторической этики. Во-первых, принципиальное различие между «жизненным миром» человека и его историей. Это различие аналогично установленному И. Г. Дройзену различию между *Geschäften* и *Geschichte* [23, s. 280]. Под «жизненным миром» человека Г. М. Баумгартнер понимает природу и общество, которые существенно определяют познавательный процесс и конкретную когнитивную ситуацию человека. Именно в этой конкретной ситуации рождаются история и повествование, которые «не подключаются органично к событиям, а скорее разрушают непрерывность и взаимозависимость их плавно протекающего хода» [23, s. 280]. Во-вторых, существенная черта исторической конструкции — ретроспективность. История имеет дело с собственными структурами времени, на которые указал еще А. Данто в своем анализе нарративных предложений. Особенность исторического времени (или времени рассказа) заключается в том, что в нем ушедшим являются не только прошлое, но и оставшееся в прошлом будущее. В-третьих, важный момент трансцендентальной аналитики связан с принципиальной незавершенностью любого прошлого, ибо «с учетом не наступивших событий и возможных развитие прошлое остается принципиально открытым» [23, s. 281]. В-четвертых, важный момент, характеризующий историческую (ре)конструкцию: в историческом рассказе речь всегда идет об отношении исторического объекта к ценностям. Последние находятся в постоянном развитии, что, в свою очередь, делает исторический объект не статичной, а изменчивой конструкцией, ибо его структура зависит от познавательных целей и ценностных ориентиров конкретного субъекта. Идеи Г. М. Баумгартнера позволяют нам увидеть нормативный и консеквенциональный характер исторической этики. Это означает, что она ставит вопрос не о том, что есть, а том, что должно быть. Нормативность данной этики задается ее ценностями (историческая истина как ценность, историческая справедливость, свобода, историческая ответственность), которые приходят на смену представлениям о «моральном долге» перед историей. Консеквенционализм исторической этики в данном случае означает, что она стремится рассматривать моральные оценки прошлого в контексте актуальных практических действий и, что более важно, их последствий.

Г. М. Баумгартнер приходит к выводу: «...исторический объект — это ориентированный на фундаментально-антропологическую норму человечества как самоцель, партикулярный и ретроспективный, ставший возможным через первоначальный нарративный синтез, трансцендентально сконструированный в контексте природы и общества жизненный мир человека» [23, s. 283]. История, таким образом, является «смысловой конструкцией», которая рождается из априорной перспективы конкретного жизненного мира. Существенными элементами подобной ориентированной на антропологические нормы нарративной конструкции явля-

ются: гуманность (антропологичность), партикулярность, ретроспективность, конструктивность и нарративность. Первые две категории — гуманность или антропологичность — являются, несомненно, этическими понятиями, ибо в системе конституирующих элементов исторического рассказа они презентуют собой «моральную составляющую». Что интересно, «моральная составляющая» не существует у Г. М. Баумгартнера изолированно от других конституирующих элементов исторического рассказа, она «спаяна» с ними в одно целое. Это позволяет нам говорить о междисциплинарном характере исторической этики, что в полной мере проявляется в рамках современных этических проблем исследований культурной/ исторической/социальной памяти.

Таким образом, интеллектуальные предпосылки появления дискурса исторической этики связаны с трансформацией в XX в. этики ответственности, философии истории, исторической науки и исторической дидактики. Речь идет об актуализации темпорального измерения этики ответственности, что превращает историческое сознание в решающее условие ориентирования между различными этическими позициями. Эволюция философии истории и исторической науки в прошлом столетии позволяет говорить о тенденции роста влияния аксиологического измерения. В рамках исторической науки это нашло выражение в обновлении спектра исторических источников, а также их новом познавательном статусе. В рамках философии истории указанная тенденция актуализировала проблему недоверия к теоретическому языку историописания, и в первую очередь к историческим метанарративам. Сравнительный анализ эволюции этоса исторической науки, а также основных направлений философии истории второй половины XX в. показывает расширение трактовки исторической истины как базовой ценности исторического познания, обращение к таким ценностям, как историческая ответственность и историческая справедливость. Эволюция исторической дидактики демонстрирует рост значения аксиологического измерения, а также потребность в осмыслении этического дискурса в преподавании истории. Характерно, что сами ключевые понятия исторической дидактики получают в работах современных авторов этическое измерение. Можно также утверждать, что в них вырабатываются новые концепты и понятия, непосредственно репрезентирующие этический дискурс (историческая ответственность, человеческое достоинство, самодостаточность).

Консеквенциональный и социально-ориентированный характер современной этики науки в отношении исторической этики означает, что последняя призвана решать этические проблемы обращения к прошлому в исторической культуре общества. Мы могли бы интерпретировать историческую этику как раздел прикладной этики, задачей которого являются анализ, обоснование и пересмотр ценностно-нормативных контекстов как научно-исторического познания, так и всех внеаучных форм обращения к прошлому в исторической культуре с целью выработки стратегий исторического сознания и основанного на нем культурно-исторического ориентирования. Стремление рассматривать историческую этику как важный фактор циркуляции представлений о прошлом в исторической культуре позволяет нам зафиксировать одну из наиболее значимых тенденций формирующейся сегодня исторической этики — ее экстерналистский характер. Анализ проекта трансцендентальной истории Г. М. Баумгартнера указывает на тенденцию преодоления

исторической этикой пассивного характера, дескриптивного характера исторической этики и движение к ее нормативному определению. Важной особенностью современной исторической этики становится ее междисциплинарный характер, поскольку именно она оказывается одним из условий гуманитарной экспертизы в отношении событий прошлого и условием медиации в зонах обмена между различными культурами порождения исторического смысла.

Литература

1. Harlan, D. (1997), *The Degradation of American History*, Chicago: University of Chicago Press.
2. Goldhagen, D. J. (2002), *Die katholische Kirche und der Holocaust. Eine Untersuchung über Schuld und Sühne*, Berlin: Siedler Verlag.
3. Glover, J. (1999), *Humanity. A Moral of the Twentieth Century*, New Haven, London: Yale University Press.
4. Carr, D., Flynn, T. R. and Makkreel, R. A. (2004), *The Ethics of History. Topics in Historical Philosophy*, Chicago: Northwestern University Press.
5. Geschichtsethik. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Geschichtsethik> (дата обращения: 16.02.2023).
6. Канке, В. А. (2000), *Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия*, М.: Логос.
7. Лисанюк, Е. Н. и Перов, В. Ю. (2014), *Философия ответственности*, СПб.: Наука.
8. Сыров, В. Н., Беляева, Е. В., Буллер, А., Линченко, А. А. и Врублевская-Токер, Т. И. (2020), *История. Память. Мораль: Моральная составляющая исторической рефлексии и коммеморативных практик исторической культуры*, Томск: Изд. дом Томского государственного университета.
9. Stegmaier, W. (2014), *Philosophie der Orientierung*, Berlin, New York: De Gruyter.
10. Могильницкий, Б. Г. (2003), *История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 2: Становление исторической мысли*, Томск: Изд-во Томского университета.
11. Герасимов, О. В. (2016), *Историческое познание: опыт исторической эпистемологии*, Самара: Самарский гос. тех. ун-т.
12. Assman, A. (2018), Towards a New Ethos of History?, in: Helgesson, S. and Svenungsson, J. (eds) *The Ethos of History. Time and Responsibility*, London: Berghahn books, pp. 20–49.
13. Rüsen, J. (2013), *Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft*, Köln, Weimar, Wien: Böhlau.
14. Rüsen, J. (2004), Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development, in Seixas, P. (ed.), *Theorizing historical consciousness*, Toronto: University of Toronto Press, pp. 63–86.
15. Kölbl, C. (2005), Moral im Geschichtsbewusstsein. Theoretische Überlegungen und empirische Befunde als mögliche Anknüpfungspunkte für den Geschichtsunterricht in der Sekundarstufe I., in: Horster, D. und Oelkers J. (Hg.), *Pädagogik und Ethik*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, S. 235–259.
16. Löfström, J. and Мыры, L. (2017), Analysing adolescents' reasoning about historical responsibility in dialogue between history education and social psychology, *Historical Encounters: A journal of historical consciousness, historical cultures and history education*, no. 4 (1), pp. 68–80.
17. Tillmanns, J. (2012), *Was heißt historische Verantwortung? Historisches Unrecht und seine Folgen für die Gegenwart*, Bielefeld: Transcript-Verlag.
18. Edling, S., Sharp, H., Löfström, J. and Ammert, N. (2020). Why is ethics important in history education? A dialogue between the various ways of understanding the relationship between ethics and historical consciousness, *Ethics and Education*, vol. 15, is. 4, pp. 1–19.
19. Касавин, И. Т. (2019), Наука как этический проект, *Вопросы философии*, № 11, с. 90–103. <https://doi.org/10.31857/S004287440007356-6>
20. Kühberger, C. and Sedmak, C. (2008), *Ethik der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung*, Wien: Verlag Turia + Kant.
21. Weber, K.-C. (2013), *Ethisch reflektierter Geschichtsunterricht*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (UTB).
22. Koselleck, R. (2003), *Zeitschichten. Studien zur Historik*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
23. Baumgartner, H. M. (1976), Thesen zur Grundlegung einer Transzendentalen Historik. In: *Seminar: Geschichte und Theorie. Umriss einer Historik*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp, s. 275–302.

Контактная информация:

Буллер Андреас — д-р филос. наук; andreas.buller@gmail.com

Линченко Андрей Александрович — канд. филос. наук, доц.; linchenko1@mail.ru

Why Do We Need the Ethics of History?*

A. Buller¹, A. A. Linchenko^{2,3}

¹ Social Ministry of the Federal State of Baden-Württemberg,
44, Königstrasse, Stuttgart, 70173, Federal Republic of Germany

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
12b, Internatsional'naya ul., Lipetsk, 398000, Russian Federation

³ Lipetsk State Technical University,
30, Moskovskaya ul., Lipetsk, 398000, Russian Federation

For citation: Buller A., Linchenko A. A. Why Do We Need the Ethics of History? *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 423–435.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.302> (In Russian)

The purpose of this article is to analyze the intellectual prerequisites for the formation of the discourse of the ethics of history in the modern philosophy of history and the ethics of science. An analysis of the transformation of the ethics of responsibility, the value attitude to the past in philosophy and the theory of history, as well as the axiological component of historical didactics in the 20th century testifies to the growth of theoretical interest in ethical reflection on past events. It is substantiated that the further development of the ethics of history as an independent discipline requires a unified conceptual approach in understanding its subject, theoretical and methodological foundations, and basic values. It is concluded that the ethics of history as a branch of applied ethics is wider than the “ethos” of historical science. A position is put forward on the consequential and socially oriented specifics of the ethics of history. Its subject is the ethical problems of referring to the past in the historical culture of society. The externalist interpretation of the ethics of history allows us to consider the latter as an important factor in the circulation of ideas about the past in historical culture. An analysis of the project of transcendental history by H. M. Baumgartner points to an important trend of overcoming descriptivism by the ethics of history, a movement towards its normative definition, and also emphasizes its interdisciplinary nature.

Keywords: ethics of history, normativism, consequentialism, Historik, historical culture.

References

1. Harlan, D. (1997), *The Degradation of American History*, Chicago: University of Chicago Press.
2. Goldhagen, D. J. (2002), *Die katholische Kirche und der Holocaust. Eine Untersuchung über Schuld und Sühne*, Berlin: Siedler Verlag.
3. Glover, J. (1999), *Humanity. A Moral of the Twentieth Century*, New Haven, London: Yale University Press.
4. Carr, D., Flynn, T. R. and Makkreel, R. A. (2004), *The Ethics of History. Topics in Historical Philosophy*, Chicago: Northwestern University Press.

---

* The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00503.

5. Geschichtsethik. URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Geschichtsethik> (accessed: 16.02.2023).
6. Kanke, V. A. (2000), *Basic philosophical directions and concepts of science. Results of the XX century*, Moscow: Logos Publ. (In Russian)
7. Lisanyuk, E. N. and Perov, V. Yu. (2014), *Philosophy of responsibility*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
8. Syrov, V. N., Belyaeva, E. V., Buller, A., Linchenko, A. A. and Vrublevskaia-Toker, T. I. (2020), *History. Memory. Morality: The moral component of historical reflection and commemorative practices of historical culture*. Tomsk: Tomsk University Publ. (In Russian)
9. Stegmaier, W. (2014), *Philosophie der Orientierung*, Berlin, New York: De Gruyter.
10. Mogilnitsky, B. G. (2003), *History of historical thought of the XX century: a course of lectures. Is. 2: The Formation of Historical Thought*, Tomsk: Tomsk University Publ. (In Russian)
11. Gerasimov, O. V. (2016), *Historical knowledge: the experience of historical epistemology*, Samara: Samara State Technical University Publ. (In Russian)
12. Assman, A. (2018), Towards a New Ethos of History?, in: Helgesson, S. and Svenungsson, J. (eds) *The Ethos of History. Time and Responsibility*, London: Berghahn books, pp. 20–49.
13. Rüsen, J. (2013), *Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft*, Köln, Weimar, Wien: Böhlau.
14. Rüsen, J. (2004), Historical consciousness: Narrative Structure, Moral function, and Ontogenetic Development, in Seixas, P. (ed.), *Theorizing historical consciousness*, Toronto: University of Toronto Press, pp. 63–86.
15. Kölbl, C. (2005), Moral im Geschichtsbewusstsein. Theoretische Überlegungen und empirische Befunde als mögliche Anknüpfungspunkte für den Geschichtsunterricht in der Sekundarstufe I, in: Horster, D. und Oelkers J. (Hg.), *Pädagogik und Ethik*, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, S. 235–259.
16. Löfström, J. and Myyry, L. (2017), Analysing adolescents' reasoning about historical responsibility in dialogue between history education and social psychology, *Historical Encounters: A journal of historical consciousness, historical cultures and history education*, no. 4 (1), pp. 68–80.
17. Tillmanns, J. (2012), *Was heißt historische Verantwortung? Historisches Unrecht und seine Folgen für die Gegenwart*, Bielefeld: Transcript-Verlag.
18. Edling, S., Sharp, H., Löfström, J. and Ammert, N. (2020), Why is ethics important in history education? A dialogue between the various ways of understanding the relationship between ethics and historical consciousness, *Ethics and Education*, vol. 15, is. 4, pp. 1–19.
19. Kasavin, I. T. (2019), Science as an ethical project, *Voprosy filosofii*, no. 11, pp. 90–103. (In Russian)
20. Kühberger, C. and Sedmak, C. (2008), *Ethik der Geschichtswissenschaft. Zur Einführung*, Wien: Verlag Turia + Kant.
21. Weber, K.-C. (2013), *Ethisch reflektierter Geschichtsunterricht*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht (UTB).
22. Koselleck, R. (2003), *Zeitschichten. Studien zur Historik*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
23. Baumgartner, H. M. (1976), Thesen zur Grundlegung einer Transzendentalen Historik. In: *Seminar: Geschichte und Theorie. Umriss einer Historik*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp, s. 275–302.

Received: March 21, 2022

Accepted: April 15, 2023

Authors' information:

Andreas Buller — PhD in Philosophy; andreas.buller@gmail.com

Andrei A. Linchenko — PhD in Philosophy, Associate Professor; linchenko1@mail.ru